

© 2023 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ... ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ: КАК ЖИВЕТСЯ ЧЕЛОВЕКУ СРЕДИ ЕГО КОНСТРУКТОВ? (Часть 2)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. Во второй (заключительной) части очерка, посвященного анализу социально-конструктивистских объяснений гендерных и этнонациональных феноменов, автор обращается к идеям классиков этносоциологического конструктивизма – Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума, в том числе к аргументации, представленной в концепции «воображаемых сообществ». Дается общая характеристика механизмов и технологий практического (в том числе символически-дискурсивного) «производства» этнических идентичностей, построения и «изобретения» наций и народов – как процедур, осуществляемых интеллектуалами и политиками в разных регионах мира. Выявляется «специфически современный» (коренящийся в природе обществ модерна) контекст формирования национальных государств и национализма как особого политического движения и идеологической доктрины.

Ключевые слова: социальный конструктивизм • этнос • нация • примордиализм • национализм • «воображаемые сообщества» • историческая память • идентичность • стереотип • этносоциология

DOI: 10.31857/S013216250022101-4

«Воображаемые сообщества» и технологии их сборки. Экспликацию логики конструктивистского подхода в исследованиях этничности проще всего проводить с опорой на ключевые идеи наиболее авторитетных его представителей – Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума. Среди прочего, широкую известность приобрели показательно конструктивистские концепции «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций».

Андерсон, вводя понятие «воображаемого сообщества», следующим образом определяет свои исследовательские задачи: «Отправной точкой для меня стало то, что национальность <...>, а вместе с ней и национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью. <...> [С]отворение этих артефактов к концу XVIII в. было спонтанной дистилляцией сложного “скрещивания” дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу же стали “модульными”, пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на

огромное множество социальных территорий и обрели способность вплавлять в себя либо самим вплавляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций. <...> [Я] предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Оно *воображенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности... Геллнер <...> высказывает сопоставимую точку зрения, утверждая: "Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он *изобретает* нации там, где их не существует". Однако в этой формулировке есть один изъян. Геллнер настолько озабочен тем, чтобы показать, что национализм прикрывается маской фальшивых претензий, что приравнивает "изобретение" к "фабрикации" и "фальшивости", а не к "воображению" и "творению"... На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – воображаемые... Сегодня мы можем представить французскую аристократию *ancien regime* как класс; но, разумеется, воображена она была в качестве такового лишь в очень позднее время. На вопрос: "Кто такой граф де Х?" – нормальным был бы не ответ "член аристократии", а ответ "хозяин поместья Х", "дядя барона де Y" или "подопечный герцога де Z" ...» [Андерсон, 2016: 44–45, 47–48].

К каким выводам подталкивает Андерсон? Допустим, методологический индивидуализм прав: в социальном мире существуют только люди с их руками, ногами и головами. Хотя, скорее всего, он лишь ограниченно прав. Ведь живут эти «отдельно взятые» человеческие существа друг у друга под боком и каждый день как-то взаимодействуют между собой. И еще у них есть весьма «богатое воображение». Мы не поймем этих людей, не объясним их поведения без учета того, что они там себе вместе вообразили.

Используя метафору Андерсона, можно сказать, что любая группа, где нет непосредственного контакта, есть продукт воображения людей, политиков или обществоведов, т.к. с социально-номиналистической точки зрения реальны только ее члены, а не она сама. Группы как особые реальности существуют прежде всего в головах – простых обывателей, граждан, подданных, чиновников, активистов, идеологов, социологов, философов, историков. Поэтому в когнитивной перспективе методологического индивидуализма наций, как и классов или иных «вымышленных» категорий лиц с определенными социальными характеристиками, например, пролетариата или буржуазии, феодалов-аристократов (как в иллюстрации из цитаты Андерсона), русских, японцев или американцев, и т.п. «как особых сущностей» – не существует.

Однако здесь опять включает свою игру «коварная» теорема Томаса. Если люди считают себя членами группы Х, это будет сказываться на их поведении и мышлении, индивидуальном и коллективном, по отношению к «своим», «другим», «чужим» и т.д. (вернее – тем, кого определили как «своих», «чужих», «врагов», «друзей», «союзников», «соперников» и т.д.). Если даже сами группы «онтологически», «субстанциально» нереальны, все же, с другой стороны, вполне реальны (и эмпирически наблюдаемы) типические социально обусловленные ментальные и поведенческие качества людей, не выводимые из их индивидуально-психологических и биологических признаков и формирующиеся только как следствие их со-участия в этих самых загадочных «коллективно воображаемых» структурах. Приходится констатировать: человеческие конструкции, в том числе так называемые «воображаемые сообщества», повсюду продолжают жить своей жизнью и властвовать над людьми. Сила тяжести, давления социальных конструктов определена во многом тем, что они формируются достаточно медленно (по меркам продолжительности индивидуального человеческого существования), вплетаясь в ткань исторических судеб сменяющих друг друга поколений.

И еще раз следует повторить: крайний конструктивизм (своего рода пародия на конструктивизм, позиция, которая должна быть решительно отвергнута) представляет все явления как продукты искусственного создания, результаты умышленного

и целенаправленного творчества людей, практически не обращая внимания на объективно-коллективный и исторический характер подобных процессов, реальную принудительность их последствий, «несвободность» контекстов и фонов, условий и обстоятельств, в которых люди что-то конструируют, на социальную и иную детерминированность направленности и характера человеческих действий.

Э. Геллнер говорит: не нация рождает национализм, а национализм делает нацию. Здесь работает некое подобие психологического механизма проецирования установки на ее предмет, например, ненависти и любви на того, кого ненавидишь или любишь. Но это, конечно, не значит, что создать нацию – пара пустяков. Не для всякой стройки всякий материал годится. Т.е. не из всего подряд можно слепить такую конструкцию, как народ. Нужен особый рецепт раствора – чтобы схватилось, застыло, окаменело. И еще для строительства здания требуется подходящая почва, более или менее пригодный социальный и культурный грунт.

Андерсон, отдавая должное линии умеренного примордиализма (адресуя читателя к работам Э. Смита), пишет: «Полностью признавая, что в некоторых важных аспектах национализм – это явление современное, он [Смит. – Прим. Д.П.] настаивал на том, что националистические притязания не могут быть поняты со всей серьезностью, если трактовать их сугубо функционально и считать, что они возникают ex nihilo <...> Национализм обязательно и естественным образом строится на основе гораздо более старых этнических сообществ, первыми примерами которых, возможно не без некоторой доли случайности, стали армяне и евреи» [Нации и национализм, 2002: 19].

Сам Смит, готовый слушать и, действительно, слышащий многие аргументы конструктивизма, замечает: «Как признается Хобсбаум, только некоторые традиции находят отклик у масс, и только немногие из них выдерживают проверку на прочность. Нация, указывает он, – это самая значимая из долговременных “изобретенных традиций”. Если так, то в каком смысле следует считать ее “вымышленной” или “построенной”? Почему это “изобретение” так часто и в столь различных культурных и общественных условиях умеет затронуть такие потаенные струны, вызывая при этом столь долгий отзвук? Ни один артефакт, как бы хорошо он ни был состряпан, не выдержал бы столь много злоключений разного рода или не подошел бы к столь многим различным условиям. Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и “изобретение” здесь должно пониматься в другом своем смысле – как новаторская рекомбинация существующих элементов» [Нации и национализм, 2002: 256].

В этом отрывке просматривается беспроегрывный мыслительный ход, использованный в свое время Э. Дюркгеймом, своего рода социологическая адаптация гегелевского принципа «все действительное разумно»: «Принципиальная установка социологии заключается в том, что человеческие институты не могут основываться на заблуждении и обмане: в противном случае они не могли бы существовать достаточно долго. Если бы такой институт не основывался на природе вещей, он столкнулся бы с таким сопротивлением реальности, которое не смог бы преодолеть» [Дюркгейм, 2018: 29]. Если что-то (традиция, обычай, ритуал, институт, система коллективных представлений...) в истории человеческих обществ возникает, укореняется и прорастает, значит – не на пустом месте, если продолжает свое существование – значит неспроста. И у этой тривиальной «функционалистской» истины есть свои резоны.

Каковы слагаемые, ингредиенты, из которых полусознательно/полустихийно складывались большие и малые народы? – Государственность, территория, язык, общие или сходные верования, традиции и мифы, этнокультурная идентичность и национальное самосознание, фенотипические признаки населения (доминирующий антропотип)... etc.? Все это отчасти..., но ни один фактор в данном «букете» не является абсолютно решающим и необходимым сам по себе для процессов этно- и нациогенеза, рассматриваемых in abstracto. В разные эпохи в разных регионах мира было по-разному. Даже беглый и весьма поверхностный взгляд на историю убеждает: не существует никакого единого

варианта или рецепта сотворения ни политических наций, ни этнонаций (ни иных этнических сообществ).

Родной язык имеет огромное значение для символического и коммуникативно-прагматического конституирования этнического сообщества (как маркер принадлежности к определенной культурно-лингвистической общности и как средство повседневного общения ее членов между собой). Утрата языка провоцирует ускорение ассимиляционных процессов. Красиво и пронзительно сказано: когда умирает народ, тогда умирает язык; когда умирает язык, тогда умирает народ. Но все же так происходит не всегда. Существуют нации, скрепляющиеся не по языковому признаку, или – не по нему в первую очередь, двуязычные или полилингвистические сообщества.

Традиция государственности (сохранившейся от былых времен, унаследованной от «отцов и дедов», или, возможно, некогда утраченной, оплаканной, но не забытой) важна. Но хорошо известны случаи, когда очень старым этническим сообществам удавалось сохранять свою культурную самотождественность на протяжении столетий или даже тысячелетий без собственной государственности. Кочевые и диаспорные народы реализуют иную модель связи с территорией, нежели народы оседлые, которые в свою очередь далеко не всегда автохтонны для той или иной местности. Нередко регион исхода оказывается удаленным от региона оседания на сотни и тысячи километров. Накатывающие друг на друга миграционные волны разных эпох превращают ойкумену в запутанный полиэтнический клубок, своего рода лоскутное одеяло. Поэтому про большинство территорий на земном шаре очень трудно сказать определенно: чьи они по «историческому праву», кто тут туземец и абориген, кто мигрант, кто коренной, а кто пришлый? Тип внешности (он выглядит как типичный француз, итальянец, грузин...) в этнических образованиях численностью в миллионы человек не может быть гомогенным, напротив, является весьма дифференцированным. Далеко не всегда народы формируются как моноконфессиональные духовные общности.

Во многих случаях региональная и более широкая национальная идентичности образуют весьма причудливые смешения и сочетания, притом потенциально взрывоопасные, могут провоцировать сепаратистско-централистские конфликты, если, например, локальная общность захочет повысить свой ранг путем реформатирования «этнической общности» в «народ» (что идеологически нетрудно осуществить, поскольку четкого дифференцирующего водораздела этих понятий не существует).

Можно также легко поссориться на почве того, какая именно современная общность имеет право считаться наследницей, правопреемницей, биологическим или духовным потомком и продолжателем славной традиции и деяний N? Кто чей предок? И претендентов (каждый – с убедительными аргументами) может быть несколько. Откуда есть пошла земля русская – из Киева, Новгорода, Старой Ладogi? Кто такие современные киевляне и черниговцы, москвичи и питерцы, суздальцы и костромичи... [etc.], так сказать, по происхождению – поляне, древляне, кривичи, вятичи, ижора, меря, мещера... [etc.], и когда они, точнее их предки, превратились в русских или украинцев? Кем по национальности были Владимир Святославич и Ярослав Мудрый (если использовать возникшую много столетий спустя систему этнической номинации)? Кто «по праву» наследует традицию Киевской Руси и в чем эта традиция заключается? Вопросы вообще-то мало корректные, и лишь мерой исторической условности отличающиеся от вопроса: а куда выгнали чужь белоглазую, чьи потомки могут в любой момент выползти из нор и болот и заявить свои права на большую часть Европейской России как «подлинно хтонические» хозяева краев, освоенных когда-то восточными славянами? Историю и этническую картографию почти любого народа и региона можно подобным образом иронически деконструировать...

Эти примеры лишний раз указывают на то, что сшиваться, склеиваться или, наоборот, кроиться на части материя этничности может весьма по-разному. Одно-единственного рабочего лекала или шаблона нет.

К этому прибавляется и следующее важное соображение. Длительность исторической сборки социального тела этнической конструкции также может быть очень разной, но она сама едва ли является критерием, при помощи которого мы способны различать «настоящие», «нормальные», «полноценные» этносы–народы–нации и «неполноценные», «недоделанные». Каждое из когда-либо существовавших этнических сообществ проживало процесс самостановления по-своему, причем с неочевидным, непредзаданным результатом, который нельзя было предсказать заранее. Этно-культурно-политическая карта мира и его регионов, несомненно, могла быть какой-то другой, не такой, какой она стала, и ее сложившийся (отчасти меняющийся) рисунок зависел и продолжает зависеть от огромного количества причин. Одни народы появлялись, другие исчезали, и не только из-за физического исчезновения их представителей, естественной убыли населения. Каким-то этническим единицам повезло больше, каким-то меньше. Где-то этногенез сопровождался становлением политико-государственных структур, где-то сочетался с активными духовными поисками тех или иных слоев, институционализацией религиозной жизни и значительными культурными достижениями. Наконец, на возводимые людьми «священные алтари» наций в разных местах в разное время потребовалось пролить неодинаковое количество человеческой крови.

Само различие «старых» и «новых» наций не является совершенно бессмысленным, однако его не следует понимать в том смысле, что, мол, старые нации являются какими-то более естественными, чем те, процесс становления которых разворачивался на глазах (и при участии) людей последних двух столетий (как будто бы нации второго типа слепили буквально на коленке, на скорую руку, на раз-два). Э. Смит, ссылаясь на Х. Сетона-Уотсона и Ч. Тилли, пишет: «Нельзя обходить вниманием различия ... между медленно возникавшими и существующими уже в течение достаточно долгого периода нациями (и государствами) Западной и Северной Европы и более поздними "нациями, созданными по расчету" в эру национализма. Очевидно, что на Западе процесс "формирования нации" был непредвиденным и непреднамеренным, государства сколачивались вокруг доминировавших этнических сообществ и, в свою очередь, постепенно становились национальными. В других частях мира подобные процессы были невозможны без внешних стимулов и целенаправленных усилий» [Нации и национализм, 2002: 258].

Нации эпохи модерна (будь то гражданско-политические или с претензией на общие этнические корни народа) строились и перестраивались особым образом – использовался ли при этом строительный материал, из которого уже что-то «грандиозное» раньше возводилось, или нет. Собственно, и сам национализм как установка строителей наций – в этом сходится большинство исследователей – есть идеология сравнительно новая, специфически модернистская, явившаяся продуктом становящихся индустриальных, урбанизированных, массовых обществ. Национализмы разных сортов формируются параллельно с формированием национальных государств, разрушением полиэтнических империй и борьбой колоний за политическую независимость от метрополий. Национализм как идеология родом не из сельской местности, а из города (хотя деревенскую ментальность и образ жизни он мог порой превозносить и восхвалять). Для продвижения национализма в массы и пробуждения в них национальных чувств важны повышение уровня грамотности и доступность культурных благ (чтобы националистические идеи становились ходовыми, успешно распространялись, циркулировали). Цель национализма, как правило, – утверждение политической независимости или автономии общности, определяемой как нация. В ряде случаев эта независимость уже условно была в наличии (если не было проблем с «иноземным владычеством»), но чаще – за нее приходилось бороться.

Тот же Геллнер противопоставляет идеальные типы развитого традиционного и индустриального обществ. В первом чувства культурного единства в пределах политического союза не было, доминировали статусные и узколокальные идентичности, имела место культурная лоскутность. И лишь в современном обществе – с его универсализмом, в т.ч. образовательным и языковым, необходимым для выполнения высокоспециализированных

функций умственного труда и коммуникации по этому поводу, всеобщей грамотностью и относительной стандартизацией жизненных практик, высокой мобильностью и частично размытыми межгрупповыми границами, – формируется своего рода общее культурное поле, которое занимает идея нации. Т.е. на эту идею именно в обществе второго типа возникает актуальный запрос. Причем наиболее остро проблемы национализма и выработки национального самосознания заявляют о себе в процессе перехода – от первого типа общества ко второму. «В доиндустриальном мире очень сложные образцы культуры и власти существовали в переплетении, но не смыкались друг с другом и не приводили к возникновению национальных государств. В условиях индустриализма и культура, и власть претерпевают стандартизацию, начинают служить основанием друг для друга и в конечном счете смыкаются. Политические единицы обретают четкие очертания, совпадающие с границами культур. Каждая культура требует себе политической крыши...» [Нации и национализм, 2002: 198].

Так, воображаемому предку современного русского человека, жившему в допетровскую эпоху, было бы, наверное, довольно трудно объяснить: что значит быть русским. Раньше люди не опознавали себя по «интегральному» национальному признаку, как это происходит сегодня. Ключевые идентификации людей в доиндустриальных обществах носили по преимуществу локальный характер. В одной из ранних переписей населения крестьяне на вопрос об идентификации, – видимо, не до конца понимая, что от них хотят, но в то же время довольно точно отвечали: «тутошные мы» (т.е. местные, живем мы тут). И если бы последовал уточняющий вопрос, они, должно быть, расшифровали: вот здесь... живем, работаем, кормимся и молимся., на этой земле сеньора нашего, милостью божьей – графа такого-то, маркиза Карабаса, князя Милославского., и т.п.

Но с течением времени людям постепенно растолковали, что такое иметь национальность или принадлежать к нации. И это новое знание оказалось максимально востребованным в изменившихся (и продолжающих постоянно изменяться) условиях модернизирующихся обществ.

Одно из возможных функционально нагруженных определений нации звучит так: «Нация предстает как такое сообщество, которое удовлетворяет потребности индивида или коллектива в душевном тепле, стабильности и силе, значение которых возрастает по мере того, как утрачивают свое бывшее значение семейные и соседские узы» [там же: 237]. В символическом арсенале многих политически организованных сообществ современности используется образ нации как родины-матери, по отношению к которой приличествует испытывать чувства благоговейного трепета и сыновней любви. Наряду с этим культурным конструктом может выстраиваться и более конкретный культ лидера нации (если таковой имеется) – живого или вечно живого, мудрого отца, «вождя и учителя», *pater patria*, эдакого мега-альфа-самца или супер-биг-мена (возможны варианты образа). Так, собственно, формируется *патриотизм* как любовь к родине, отличающийся от сопоставимых по силе социально-альтруистических чувств, знакомых людям прошлого (например, от античного патриотизма греков и римлян, или феодальной верности королю или старшему сеньору в системе вассалитета). Все эти новые идеалы (долг перед Родиной, служение Отчизне) и сопровождающие их возвышенные эмоции были призваны отчасти компенсировать экзистенциальную неприкаянность человека модерна, его духовное сиротство и безотцовщину. Людям, утратившим привязанности к *Gemeinschaft* ам бывших времен (патриархальной семье/отчому дому, религиозной и соседской общине, господскому поместью/феодалному замку как центру социального космоса деревенской жизни, и т.п.), нужно было что-то предложить взамен. Свято место пусто не бывает, поэтому Нечто должно было заполнить вакуум, образовавшийся в результате ослабления традиционных социальных связей и духовных авторитетов. И этим Нечто стали Народ, Нация, Отечество и подобные продукты и фетишизированные конструкции коллективного сознания.

То есть и политические нации, и этнонации, и более мелкие «этничности» создавались и продолжают создаваться не только в политических, но и в социальных,

и психологических целях: они образуют символическую почву для обретения идентичности в обществе, не дающем других оснований, на которых такая идентичность могла бы быть построена. Общество модерна разрушает старые социальные связи семейного, религиозного, общинного, соседского типа, но что-то должно было их заменить. В XIX–XX столетиях утверждаются идеи больших гражданских наций. В последние десятилетия начинают просматриваться новые тренды, в т.ч. «глокализация», этнический ренессанс как «последнее убежище» от одиночества, атомизации, страхов, рисков, привносимых в жизнь людей «текучей современностью».

Этнические ренессансы новейшего времени по всему миру суть формы защитной компенсаторной реакции на риски индивидуализированного общества, где люди хотят обрести чувство психологической поддержки, защиты и принадлежности к группе в условиях доминирования формальных институтов, вторичных структур, в окружении вездесущих чужаков. Желание найти «свой угол», оказаться «среди своих» в стремительно меняющемся мире, – где, как кажется многим, «уже ничто не свято», – подпитывает ностальгию по примордиальным сообществам (обычно изрядно мифологизируемым) и рождает стремление оказаться в их крепких и заботливых объятьях.

Как разбудить прекрасную принцессу? Национальные движения лепили народы и нации своими руками из имевшегося в их распоряжении социоэтнокультурного материала, и на их языке это называлось национальным возрождением или пробуждением. «Термин “пробуждение” чрезвычайно характерен для самоописания этих движений, – подчеркивает Геллнер. – Он намекает на существование неких перманентных, не дремлющих “рациональных” целостностей, которые только ждут, что их кто-то разбудит. В действительности, конечно, эти целостности не пробуждались, а создавались. <...> Нации стали рассматриваться как реалии социального мира, существующие от века. И если на более ранних исторических этапах они не проявляли себя открыто, то только потому, что они еще “спали”, а главная задача националиста состоит в том, чтобы их “разбудить”» [там же: 168, 172–173]. При таком взгляде на вещи нация представляла как заколдованная принцесса (или класс у Маркса – сначала «в себе», потом «для себя»), т.е. как объективно существующая общность, но латентная, не проявленная на уровне группового самосознания, которая спит и ждет чьего-то волшебного поцелуя (партии, группы реформаторов, революционеров и сочувствующих им интеллектуалов-гуманитариев, национально-освободительного движения и т.п.).

Огромное значение имели усилия, направленные на конструирование исторической памяти народа. В этом контексте обычно припоминают метафору Э. Ренана, утверждавшего, что «народная традиция должна была получить не дар памяти, а дар забвения... На Востоке вспоминают то, чего не было, на Западе – забывают то, что было... Единство нации обеспечивается не памятью, а ее потерей» [там же: 192–193]. В общем, что надо – помним, что не хотим – не помним, что-то по ходу выдумываем, выставляем события в выгодном для себя свете, интерпретируем, как нам удобно.

Политики и интеллектуалы как архитекторы и инженеры строительства народов и наций прекрасно понимали: если у национальной общности будут обнаружены исторические корни и племенная этническая почва, тем обоснованнее для здравого смысла будут звучать ее претензии на существование, автономию, самостоятельность и т.п. «У национализма, – заметил Хобсбаум, – есть много веских оснований желать, чтобы его отождествляли с принципом этнической принадлежности, – хотя бы потому, что он обеспечивает “нацию” исторической родословной, которая в подавляющем большинстве случаев у нее, безусловно, отсутствует» [там же: 335]. Как бы то ни было, даже местами поддельная, изобилующая лакунами, но складно и доходчиво изложенная (дискурсивно преподнесенная обывателю) генеалогия народа вносит неоценимый вклад в общее дело строительства наций (все равно никто, кроме узкой кучки независимых экспертов-историков, – если таковые найдутся, – не отличит правды от вымысла и не разберется, в чем подвох).

Нельзя не согласиться с Хобсбаумом: «Прошное и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошлое» [там же: 332]. Историки конструируют авторитетные версии национального прошлого, легитимируя его таким способом. Нация без прошлого может показаться химерой, мыльным пузырем (особенно если смотреть на нее с колокольни идейного противника), поэтому интеллектуалы особого сорта осваивают ремесло по изготовлению апологетических моделей истории одних народов и, в случае надобности, разоблачительно-критических вариантов истории других. Делается это далеко не всегда «под заказ», нередко – по зову сердца и в патриотическом порыве. Но какой именно люди хотят видеть национальную историю своей страны – чем они стремятся гордиться, что выставить напоказ, по поводу чего проливать слезы, из-за чего сокрушаться, о чем хотели бы навсегда забыть? – Это зависит от их текущих жизненных ориентиров и приоритетов, которые могут быть различными.

Например, официальная историография государства в дореволюционной России, потом в России советской и, наконец, постсоветской (при всех отличиях терминологии и концептуального аппарата, использовавшихся историками в разные периоды) не должна была доказывать всему миру, что такой феномен, как российская государственность, действительно существовал. Непрерывное историческое бытование этого хронологически длительного феномена (в разных обличьях и модификациях) имелось налицо. Но это не означало, что национальным апологетам от исторической науки заняться было нечем. Можно сказать, что Н.М. Карамзин стремился обосновать ту самую линию отечественной истории, которую он наблюдал как объективированный факт в период собственной жизни и которую пытался проследить в своем многотомном опусе: историю России как (закономерную!/?) эволюцию самодержавной власти. Модель официальной историографии, предложенная Карамзиным, должна была устраивать имперски ориентированную власть и в XIX, и в XX, и в первые десятилетия XXI в. Карамзин закончил свои изыскания Смутным временем, но основное направление работы для историков Нового и Новейшего времени, желавших последовать за мэтром, легко угадывалось.

Формирование великодержавного абсолютизма, московского, потом петербургского, могло быть преподнесено в оптике имперски-этикетского сознания как магистраль русской истории. Возвышение Москвы, прекращение княжеских междоусобиц, образование централизованного государства, снятие ига и победа над Ордой, медленное, планомерное расширение территорий, в т.ч. освоение Сибири, отражение польской интервенции, выход к западным и южным морям в петровские и екатерининские времена, превращение страны в сильного субъекта европейской и мировой политики... и т.д. и т.п. – если этому дается позитивная оценка, то российская история выглядит очень логично, а на многочисленные развилки-бифуркации и потенциальные исходы событий прошлого (не реализованные возможности, далеко идущие последствия шагов и деяний разных исторических личностей...) не стоит обращать особого внимания.

Если бы фактическое, эмпирическое прошлое России на каком-либо из его этапов сложилось несколько иначе (вероятность чего невозможно отрицать), потребовалось бы, соответственно, построение иной историографии. Если бы в противостоянии русских земель победил Новгород (с его вечевой традицией и ганзейскими контактами), или Тверь, если бы исход Смутного времени оказался иным..., поколениям историков пришлось бы иначе расставлять акценты в собственных штудиях. Если бы несколько иначе складывались отношения с Ордой, Польшей и Литвой, Крымским ханством, Османской империей, Швецией, если бы церковь и государство взаимодействовали чуть по-другому¹, вспомнили бы сегодня – в каком-то альтернативном векторе отечественной истории, – скажем,

¹ Если бы, например, митрополиты и патриархи научились эффективно ограничивать княжескую и царскую власть; если бы им удалось устроить с кем-нибудь из российских самодержцев нечто похожее на «хождение в Каноссу».

не Ивана Калиту, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного..., а, допустим, Михаила Тверского, Олега Рязанского, Марфу-посадницу, Филиппа Колычева, патриарха Никона, царевну Софью...

И, например, никакого универсально правильного ответа на вопрос: что лучше – феодальная раздробленность или централизованное государство? – на самом деле не существует (говорим ли мы об истории русского Средневековья, ренессансной Италии времен Макиавелли или прошлом других регионов и стран). Все зависит от того, в свете каких исторически реализовавшихся или не реализовавшихся перспектив развития общества мы данную дилемму рассматриваем: Карамзин ответил бы не так, как Александр Янов. Поэтому в моделях конструирования истории всегда хорошо просвечивает современность с ее практическими задачами и ценностными предпочтениями. При особом желании в истории любого народа можно найти почти все что угодно, главное – определиться с целевой установкой: что искать?

Гораздо более трудоемкой и нетривиальной задачей является форсированное выплавление наций и народов в новых условиях – так сказать, в новых плавильных котлах, габариты которых могли быть самыми разными. Знаменитая фраза Массимо д'Адзельо «Мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев» условно применима (разумеется, каждый раз с особыми оговорками) к множеству случаев «нациостроительства»². Новые народы и нации являлись миру в разных, хотя и типических ситуациях: в результате войн, деятельности сепаратистских движений, после распада империй со смешанным поликультурным населением, освобождения колоний и т.п. Опыт перешивания этно-политико-культурного полотна на бывших территориях Австро-Венгерской, Османской и Российской империй был разным (хотя конкретные сравнения все равно остаются уместными и возможными).

Советская национальная политика, стремившаяся переоборудовать «тюрьму народов» в светлый терем-общедом строителей коммунизма, имела ряд особенностей. Высокоцентрализованное государство с мощной властной вертикалью *de jure* считалось федеративным и формально декларировало право этнических общностей на самоопределение. Многоуровневый советский федерализм сам по себе был грандиозной моделью и экспериментом национального строительства. Хотя общую рамочную конструкцию («новую историческую общность – советский народ») в итоге сохранить не удалось, именно внутренняя структурная организация Советской федерации определила волею судеб швы и линии разлома, затрепавшие в процессе распада Союза. В свою очередь структура новейшего российского федерализма выступает прямой наследницей национально-федеративной организации РСФСР. Но советский федерализм, формировавшийся на руинах Российской империи, произвел на свет и юридически закрепил право на существование огромного количества этнических общностей, многие из которых в «дружной семье освобожденных народов» узнали о себе впервые. И теперь эти народы полноценно существуют, притягивая к себе сердца и души людей, считающих себя их представителями по праву рождения и/или происхождения.

Этнокультурный ландшафт Средней Азии одновременно проще и сложнее его пятичленного политического деления на Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению (смотря как смотреть). Где заканчиваются казахи и начинаются киргизы, куда дели уйгуров, можно ли разложить сложный тюрко-персо-язычный калейдоскоп оседлого населения бывшего Туркестана на узбеков и таджиков, где каракалпаки, памирцы...? Как и почему сформировалась этнополитическая карта Северного Кавказа в том виде, какой мы знаем сейчас? Этническая самоидентификация горцев эпохи Шамиля была совсем другой, иначе на них смотрели и те, кто их покорял. Гораздо важнее для жителей Северного Кавказа была

² Так, Украина находится сейчас на активной стадии нациостроительства, носящего в сложившихся обстоятельствах форсированный характер. Внешние конфликты вообще обычно подстегивают рост национального самосознания, вполне закономерным образом способствуют выплавлению и укреплению национальной идентичности «по скоростному сценарию».

принадлежность к локальным, первоначально родоплеменным, сообществам (клановым (тейпы у вайнахов), расширенным родовым структурам, родовым селам, т.н. «обществам» с их сложными ритуалами и праздниками (например, у осетин), с привязкой к родовым землям и пастбищам в конкретных ущельях и долинах). Почему утвердилось тройственное деление восточнославянских народов – на русских, украинцев и белорусов? Куда дели подкарпатских русинов, которые продолжают считать себя четвертыми в этой компании? (Им как бы просто не повезло, потому что они были вечной фронтальной периферией, которую прибирали к рукам все подряд.) Как конструировалась субэтническая идентичность казаков, поморов, сибиряков, челдонов, потомков староверов? Как создавался Советской властью концепт коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока? Как обретали себя и свое этническое самосознание финно-угорские и тюркские народности Поволжья и Урала?

Подобных вопросов множество – и притом про любую область планеты, населенную людьми. Если существует где-то на карте такая-то республика, национальная автономия, регион, провинция, специально выделенная территория с особым статусом, то должны быть и те, кто будет считать себя «стопроцентными» и «чистокровными», настоящими, исконными, несмотря на возможные «но» скептиков.

Националистические идеологии и движения демонстрируют мастерство манипулирования фактами прошлого и производства «задним числом» разного рода исторических традиций и реанимирования как бы утраченных (по существу, создания новых) идентичностей, получающих второе, третье... очередное рождение в принципиально изменившихся обстоятельствах. Они научились все это довольно хорошо делать. Но динамика политической жизни накладывала на старания, стремления и козни националистов свой отпечаток. Войны то и дело проигрывались или выигрывались, альянсы заключались и расторгались, государства распадались, делились или укрупнялись за счет присоединения новых территорий. Когда, например, границы чертились по линейке в кабинетах колониальных, оккупационных или имперских властей, население с весьма сходными культурными признаками (иногда и вовсе кочевое) просто-напросто оказывалось по разные стороны новообразовавшегося фронта. Такой вот нехитрый способ строительства наций. Или, наоборот, нередки случаи, когда весьма дифференцированное, мозаичное население, проживавшее на конкретной территории, по чьему-то волевому решению оказывалось записанным в один народ.

Деятели национального возрождения многих стран отлично понимали, что «дух народа» живет в мифах, обычаях, традициях и, возможно, в первую очередь в языке. Средствами языковой политики можно не только создать народ, но и постоянно поддерживать его идентичность. Пестование исторических мифологий, изучение литературных памятников древности (если таковые были), эпоса и их популяризация, поддержание культа народных героев, предков и праотцев, эксплуатация в повседневной жизни символики, обыгрывающей традицию, обращение к корням, мода на старину, собирание былин и сказаний, письменная фиксация и обработка народных легенд и преданий, интерес к национальному костюму, ремеслам и декоративно-прикладному искусству, народной музыке, танцам и песенной культуре, роль фольклористики и филологии, создание образцов изящной словесности на родном языке и перевод ключевых священных текстов на язык, понятный широкому слою населения³ (особенно в регионах, где надо было выстраивать, воссоздавать язык из народных диалектов и делать его «высоким», письменным, литературным, где у народного языка были слабые позиции, где он считался вульгарным, грубым наречием черни, а аристократия и духовенство использовали другие языки, порой заимствованные...), – все это имело место, делалось и приносило свои плоды.

На этой почве возник национальный романтизм. Благодаря национальным просветителям и литераторам выяснилось, что родного языка – того, на котором поются колыбельные и рассказываются сказки, – можно не стесняться, что он может быть красивым. В странах

³ Например, для современных финнов значение деятельности Микаэля Агриколы (переводчика частей Библии и создателя письменного финского языка) невозможно переоценить.

Центральной и Юго-Восточной Европы, получивших независимость сравнительно поздно или с трудом восстановивших ее после многовековой борьбы, к творцам литературных шедевров относятся как к спасителям языка (а значит в некотором роде хранителям «народного духа»), особенно если они сочувствовали или прямо участвовали в национально-освободительных движениях. Франце Прешерн – в Словении, Людовит Штур – в Словакии, Шандор Петёфи – в Венгрии⁴, Адам Мицкевич – в Польше⁵, Тарас Шевченко и Иван Франко – на Украине (список может быть продолжен) – являются по-настоящему культовыми фигурами.

Очевидно, в конституировании национального подъема свою роль могли играть и действительно играли воспоминания о «былом величии». Например, тем же полякам об их величии было забыть трудно. Но и в целом постоянное публичное муссирование интеллектуалами ярких страниц истории могло серьезно подогревать чувство национальной гордости народов, предпринимавших отчаянные попытки встать с колен и выпрямить грудь. Так, для самосознания тюркских народов Поволжья очень важен факт исторического существования Волжской Булгарии, как для крымских татар – могущественного Крымского ханства. Осетинам очень нравится выделять себя из кавказских народов, подчеркивая свое сармато-аланское происхождение, восхищаться нартским эпосом и почитать Уастырджи. Души жителей сегодняшней Венгрии все еще согреваются от осознания того, какими были в прошлом их страны и грозный Арпад, и креститель Иштван, и блестящий покровитель искусств Матьяш Корвин. Современные мексиканцы и перуанцы гордятся тем, что жили когда-то на свете ацтеки и инки, Монтесума I и Пачакутек Юпанки (другие латиноамериканские народы таким наследием похвастаться не могут).

Как уже отмечалось, процессы конструирования этнонациональных общностей являются «реляционными» и совершаются не в социальном вакууме, не в изолированном пространстве, но всегда по отношению, в сравнении и в связи с параллельно реконструируемыми образами и позициями других этнических групп и народов. Конструируя себя, мы обязательно, так или иначе, конструируем другого – как друга, врага, партнера, конкурента, соседа. «Братский народ» может достаточно быстро при изменении ситуации (например, социетального и политического фона взаимодействия сторон) перестать быть «братским». И тогда происходит оперативная или стратегическая реконструкция чужого образа, символический перевод его из одной категории в другую.

* * *

Что мы подразумеваем, говоря, что народ или гендер реальны? Их реальность более похожа на реальность зданий, чем на реальность вулканов и морей. Их эмпирическая действительность наглядна, принудительна и несомненна, но эта действительность – собранная. В то же время мы не говорим, что представители двух полов, возрастных или этнических групп ничем не отличаются друг от друга физически. Это было бы абсурдом. Однако большинство их отличий, которыми интересуются социальные науки, имеют общественно-историческое происхождение и не вырастают или не вытекают из «природы» самих этих категорий индивидов.

Гендер и этнос, как и прочие продукты культурной жизни человека, являются его верными спутниками. Прогнать их насовсем человек не может, они все время возвращаются к нему в разных обличьях. Но и приручить, сделать идеально послушными и покладистыми своих вечных попутчиков у него тоже не получается. Поэтому сбежавшие от людей и ушедшие в отрыв конструкторы постоянно докучают «хозяевам», то радуют, то огорчают их, никогда не позволяя им забывать, что они – эти самые «хозяева» – являются в дополнение к прочим своим ролям галантными кавалерами и милыми дамами, головой и шеей в доме, подкаблучниками и кухонными рабынями, невозмутимыми скандинавами и горячими корсиканцами, любителями корриды и ценителями мюнхенского «Hefeweizen»...

⁴ Притом что Петёфи не был «этническим венгром».

⁵ Хотя польский язык, несмотря на утрату Польшей политической независимости на сто с лишним лет, и не находился в ситуации, близкой к вымиранию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018.
- Нации и национализм [Сб.]. М.: Праксис, 2002.

Статья поступила: 19.09.22. Принята к публикации: 16.03.23.

MEN, WOMEN, ... TRIBES, PEOPLES: WHAT DOES A PERSON'S LIFE LOOK LIKE AMONG HIS/HER CONSTRUCTS?

PODVOYSKIY D.G.

Lomonosov Moscow State University, Russia; RUDN University, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; Assoc. Prof., RUDN University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (dpodvoiski@yandex.ru).

Abstract. The article is the second (final) part of the essay devoted to the analysis of social constructivist explanations of gender and ethno-national phenomena. In particular, the author refers to the ideas of the classics of ethno-sociological constructivism – B. Anderson, E. Gellner and E. Hobsbawm, including the argumentation presented in the concept of “imagined communities”. A general description of the mechanisms and technologies of practical (including symbolic and discursive) “production” of ethnic identities, construction and “invention” of nations and peoples is given as procedures carried out by intellectuals and politicians in different regions of the world. A specifically «modern» (rooted in the nature of modern societies) context for the formation of nation-states and nationalism as a special political movement and ideological doctrine is revealed.

Keywords: social constructivism, ethnicity, nation, nationalism, “imagined communities”, historical memory, primordialism, identity, stereotype, sociology of ethnic and national relations.

REFERENCES

- Anderson B. (2016). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Durkheim E. (2018). *The Elementary Forms of Religious Life*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Mapping the Nation (2002). Moscow: Praxis. (In Russ.)

Received: 19.09.22. Accepted: 16.03.23.